

Л.П. Варивода, С.О. П'ятигорець

**ДО ПРОБЛЕМИ АРХЕОГРАФІЧНОГО ОПРАЦЮВАННЯ
ЕПІСТОЛЯРНОЇ СПАДЩИНИ ПАВЛА КОППА**

Історію Нікопольщини ще не написано. Це справа майбутнього. Втім значним внеском у цю справу є спогади старожила м. Нікополя, одного з найосвіченіших представників місцевої культурної еліти кінця XIX – початку XX ст. П.В. Коппа (1894-1990), котрий залишив після себе близько 800 сторінок власних спогадів про давній Нікополь у збірці “Записки Бойцового Петуха”. Зі сторінок цього мемуарного комплексу перед нами постає Нікополь минулого століття. Феноменальна ретроспективна пам'ять мемуариста із документальною точністю зафіксувала великі та зовсім незначні події, що відбувались в Нікополі на рубежі двох століть, вихопила із небутия імена нікопольських обивателів. Хоча сам Павло Володимирович писав, що “серед них не було нікого, хто просився б у безсмертя”, історія Нікополя та його громадян сторічної давнини виявиться вельми цікавою для нас, мешканців Нікополя XX століття. Ці люди давно вже пішли в небуття. І цілком можливо, не збереглися б навіть їхні скромні імена, якби не пам'ять та великий патріотизм Павла Коппа.

Павло Володимирович Копп народився в Нікополі у 1894 р. в родині місцевого лікаря. Його батько, Володимир Мойсейович, після закінчення медичного факультету Московського університету оселився в Нікополі і працював тут до самої смерті, залишивши по собі добру згадку як про гарного фахівця і чудову людину. В Нікополі минуло дитинство Павла Коппа. І цей період залишив особливий карб у його пам'яті. Закінчивши навчання в місцевій школі, П. Копп поїхав здобувати освіту до Катеринослава. Зацікавившись історією, він часто відвідував історичний музей, де познайомився і заприятелював з його директором – відомим дослідником запорозького козацтва Д.І. Яворницьким, який став для нього не тільки вчителем історії, а й духовним наставником, котрий вплинув на світогляд юнака. Кілька разів Дмитро Іванович приїздив до Нікополя, і його завжди супроводжував Павло Копп. У Нікополі вони відвідали оселю місцевого самодіяльного композитора – Полякова, котра була справжнім культурним осередком, де збиралася місцева інтелігенція і куди в різні часи приїздили видатні діячі культури – Іван Бунін, Марко Кропивницький, Ілля Репін, Валентин Серов, Сергєєв-Ценський, брат Петра Чайковського Іполіт та інші.

Не раз у крилатих солом'яних капелюхах і з торбами за плечима блукали вони з Дмитром Івановичем степовими шляхами Нікопольщини із села в село, з хутора на хутір. У 1909 р. відвідали вони і давнє село Покровське, де мешкала стара ненька Павлуші – Гапка Журавель, яка була далекою родичкою останнього кошового отамана Запорозької Січі Петра Калнишевського. У роки свого спілкування з Д.І. Яворницьким Павло Копп брав участь у Катеринославському марксистському гуртку П.П. Карпова. Там він вивчав праці класиків марксизму, а також виконував деякі практичні доручення.

З багатьма відомими людьми зустрічався Павло Володимирович на перехрестях свого цікавого життя: А. Луначарським, О. Глазуновим, В. Стасовим, К. Станіславським, Н. Обуховою, О. Толстим, П. Панчем, І. Еренбургом та іншими. “Все они дали мне много, но никто так не обогатил меня духовно, никто не отсыпал мне столько щедрот ума и сердца, как Дмитрий Иванович”, – писав у своїх спогадах П. Копп.

Після закінчення Катеринославської гімназії Павло Володимирович вступив до Одеського університету на медичний факультет. Згодом, отримавши диплом лікаря, він практикував у рідному Нікополі разом з батьком – досвіченим фахівцем. Та після його смерті у 1930 р. родина Павла Коппа залишила Нікополь і виїхала до Одеси. Для Павла Володимировича розпочався новий етап життя. Однак, відірваний від Нікополя, він ніколи не втрачав зв'язків з ріднокраєм: “Там мое сердце, там мои радости и трудности,” – зазначав він у спогадах. У роки Великої Вітчизняної війни Павло Копп був військовим лікарем і врятував життя багатьом пораненим. Як лікар користувався великим авторитетом, бо як і батько, був добрим лікарем і перейняв від нього повагу та співчуття до хворих.

Багато років Павло Копп листувався з кількома поколіннями працівників Нікопольського краєзнавчого музею: Н.О. Плетнєвою, Н.М. Жаріною, С.О. П'ятигорець, Л.П. Варивою, П.К. Ганжею, М.П. Жуковським, а також із мешканцями Нікополя А.І. Петренко, М.М. Калдаєвою, С.М. Скубієм. Він щиро ділився з ними власними спогадами про старий Нікополь, цікавився долею його іменитих мешканців, а також науковими і краєзнавчими розвідками, що писалися про історію міста, з приводу чого висловлював свої зауваження. Так, переглянувши альбом про Нікополь, що йому надіслали земляки, він зауважив таке: “Где отыскали авторы альбома о Никополе, что в старом Никополе было свыше 70 пивнушек, когда в городке не было и 70 кварталов. Откуда авторы альбома взяли отставного военного фельдшера, когда в 1897 году в городе было уже 4 врача, 8 фельдшеров, 2 акушера, земская больница и

4 аптеки”.

Листи з Нікополя були єдиним ланцюжком, що пов’язував Павла Володимировича з його рідним містом. Особливо його увагу привернули листи нікопольського краєзнавця, колишнього директора Нікопольського державного краєзнавчого музею П.К. Ганжі. В одному з листів до нього П. Копп писав: „Дорогой Петр Касьянович! Вы единственный человек, учитывая даже ближайших моих родственников, кто разгадал мою неугасимую любовь к старому Никополю, который уже отошел в века”. Під час численних відряджень до Одеси, співробітники краєзнавчого музею відвідували свого земляка, слухали та записували його спогади, а також виконали його заповітне бажання – привезли грудку землі з рідного батьківського подвір’я. „Эта земля меня волнует, приводит в трепет”, – писав Павло Володимирович.

То ж Павло Володимирович не тільки любив Нікополь палкою неугасимою любов’ю, а й уболював всією душею за збереження його історичної спадщини. “Все, что осталось от прошлого, надо сохранять, и я возмущен тем, что могилы на кладбищах не сохраняются”, – писав він, маючи на увазі знищення могили свого батька Володимира Мойсейовича. Та особливо нашого земляка непокоїла невтішна доля, що спіткала старовинну будівлю міського краєзнавчого музею (колишній будинок купця Гусєва). Він запам’ятав її як одну з найкращих архітектурних споруд старого Нікополя. Дізнавшись з листів земляків про її жахливий стан, він написав обуреного листа до тодішнього голови Нікопольського міськвиконкому О.Є. Стовбченка, в якому акцентував увагу на важливих історичних подіях, що відбувалися в цьому будинку, згадуючи славетних людей, яких пам’ятали стіни цієї оселі: “Как можно было дом, на котором, по сути, и следовало бы установить мемориальную доску, обречь на смерть? Никогда не поверю, чтобы при наличии современной могучей техники, дающей возможность не только поднимать из руин целые города, но и передвигать с места на место здания, нельзя было спасти от разрушения один единственный дом! Мне, сыну Никополя, больно было узнать о принятом решении без боя отдать славное здание, и поэтому не мог не написать Вам. Спасите дом, Анатолий Егорович! Он памятник, подлежащий охране. Для этой цели я с радостью готов внести свои сбережения – 500 рублей”

На жаль, ім’я нікопольського патріота ще не поціновано так, як він на те заслуговує. Тож віддаючи дециму поваги та подяки, на які заслуговує наш земляк і враховуючи непересічну краєзнавчу цінність його листів, ми вирішили опублікувати частину його епістолярної спадщини, що зберігається у фондах Нікопольського державного краєзнавчого музею і відклалася в окремий комплекс у результаті тривалого листування з ним співробітників музею.

Додатки. З епістолярної спадщини П.В. Коппа:

№ 1.

1982 р., січня 9. Лист П.В. Коппа до П.К. Ганжі

Дорогой Петр Касьянович!

Много в моей жизни было пережито, и многое осталось заветным. Кусочку заветного и я посвящу пару страничек своего письма.

По моему возрасту (вот-вот исполнится 95 лет) судить, так, пожалуй, пора готовиться к концу жизненного пути, но давным-давно, еще в детстве, цыганка на ярмарке за пятак нагадала мне такую судьбу, что я перешагну 100 лет. После 80 лет я стал задумываться о своей судьбе, и во всяком случае поверил больше в цыганское гаданье, чем заключениям медиков.

А еще о моем долгожительстве когда-то побеспокоилась дорогая моя нянечка, заставляя меня на крещение (6 января) купаться в Днепре и не бояться, бегать голышом (?), никакого мороза.

Свою мамочку любил не меньше родительской семьи. В 1908 году, приехав на летние каникулы из Екатеринослава, где учился в гимназии, я перецеловал всех и стал оглядываться: – а где-же нянечка? – в тревоге спросил я маму.

– Няни у нас уже нет. Она стала старенькая и уехала в с. Покровское доживать свой век у дочери, – сказала мне мама.

Это было для меня страшным ударом, и на другое утро я рысью махнул в Покровское. Это было мое первое свидание с Покровским, а всего я был в нем 6 раз – 2 раза с Д.И. Яворницким и 4 раза сам.

В этот первый раз я с трудом нашел нянину хатенку с крошечными оконцами, прогнившей соломенной крышей, на земляных полах, всю уставленную потемневшими старинными образами. С людьми в этой хатенке коротали дни и ночи парочка телят.

Хата вся пропахла стариной, была родиной всех Журавлей, а значит и моя нянечка Агафья Журавель (по уличному Гапка Журавка) родились в этой старинной хате.

В давние времена в этой хате бражничал последний кошевой последней Запорожской Сечи Калнышевский, из этой хаты перецеловал поголовно всю набившуюся в хату толпу и приложившись к образам, отправился Калнышевский в горькую свою ссылку на Соловки.

Когда русское войско во главе с генералом Текелием, выполнив повеление царицы Екатерины II, приближалось к Покровскому, чтобы разрушить Запорожскую Сечь, к Журавлям прискакал казак, посадил на коня одну из дочерей Панаса Журавля, и умчался с нею за Дунай. Там, выполняя завет божий они плодились и множились, выпустив для жития кучу Журавликов, между которыми одна была названа Гашей. С тех пор имя Агафья не переводилось, и не было поколения Журавлей, в котором не было бы нескольких Агафий.

Но в роду Журавлей после моей няни Агафьи больше Агафий не было.

Когда я приехал в Покровское в 6-й раз, будучи седоватым стариком, не было там уже и помину с Журавлей. Старинную хатенку, как ветром сдуло, и никто из покровчан не помнил мою нянечку. Даже могилы моей няньки не нашел. Старинное запорожское кладбище было снесено, как сносят повсюду последний приют человеческий люди-варвары, люди-дикари. На память от нянечки осталась от времени почерневшая иконка, цветастый головной платок да 8 спиц для вязания. Эти реликвии для меня дороже всех сокровищ мира, и я прошу положить их в гроб, когда пробьет мой час и настанет время отправиться в лучший мир.

Старший внук няни жил и работал в Никополе в пряничном заведении Ганина. Отсюда был забрит в армию, определен в 122-й драгунский Астраханский полк, и как был в земном почете и с желтыми выпушками, встретил Октябрьскую революцию, будучи в Петербурге. Здесь он стоял на часах перед дверью кабинета Ленина. Сбросил драгунскую форму, воевал с Юденичем, командуя полувзводом известным тем, что состоял этот полувзвод исключительно из одних покровчан.

Прошлое держится в памяти неистребимо.

Я помню, как, войдя в нянину хатенку и увидев старушку, сидевшую под образом Девы Марии, я бросился к нянечке, обнял ее колени и прижался к ним, целовал сморщенные нянечкины руки, а она, глядя меня по волосам, тихо плакала, и ее теплые слезинки капали мне на голову и на мою гимназистскую куртку.

И еще помню, как с Д.И. Яворницким мы побеседовали всю ночь до утра, сидя на колоде, какой-то доброй душой брошенный у придорожного колодца на краю Покровского. Потом няня напоила нас душистым чаем и, прощаясь, благословила меня на долгую и счастливую жизнь.

В последний раз в жизни я видел тогда няню и долго оглядывался на дорогую старушку, подметавшую землю у порога хатенки.

Шли годы, и течение жизни постепенно отодвигало нянин образ в непостижимо далекое прошлое. Но не изгладило из памяти, и теперь мне кажется, что мы с няней расстались только вчера. Впрочем, я понимаю, что это только самообман.

Петр Касьянович! Если Вы ознакомите с этим письмом Л.П. Вариводу, Вы избавили меня от труда дублировать письмо для музея.

НДКМ, КН-29530, арх.-10242

№ 2.

1985 г., березня 31. Фрагмент з листа П.В. Коппа до С.О. П'ятигорець

... Такие вот штрихи, то в конце концов образ Владимира Моисеевича предстанет перед Вами довольно полно.

А И.А. Любанский – это тот самый Любанский, который некоторое время назад заведовал отделом редакции журнала “Красная новь” Теперь после тяжелой болезни, он уже не работает.

Когда Д.И. Яворницкий бывал в Никополе, он дважды посетил нас, и познакомившись с моим отцом, был очарован его светлой личностью, его светлым взглядом на жизнь, любовью к людям и неустанной деятельностью людей на пользу.

В 1974 г. Никопольский краеведческий музей на машинке или на гектографе напечатал брошюру “О пребывании на Никопольщине выдающихся людей”. О некоторых из них я написал в своих “Записках” В брошюре музея все верно, но не говорится о большинстве из названных в брошюре людей где же, в

каких домах бывали в Никополе эти выдающиеся люди. Я же знаю дом, где Репин, Бунин, Серов Кривиницкий были по крайней мере один раз. А приходили они к художнику, учителю рисования Терлецкому, жившему в доме Полякова на Крымской улице, второй дом от угла Херсонской.

Терлецкого я знал, и водил к нему Д.И. Яворницкого, он знал по имени Терлецкого и вообще о домике Полякова и о его хозяине, композиторе старике Полякове, о его жильцах, о происшествиях, случившихся в этом домике Никополя, к которым проказливая детвора имела прямое отношение, я написал в “Записках” довольно подробно. Все это забыто, все быльем заросло все бросил на пройденном пути мчащийся вперед мир. И жителей этого тихого уголка давно уже нет на свете, а вот такой обломок, осколок прошлого, как я, еще бремениет землю, и одна только память еще держит здесь, на Земле, то, что с моей смертью, тоже уйдет в небытие. Вы представляете себе, сколько бывальщины унесла с собой в могилу М.Ф. Шестопал? И Все это навеки пропало, никем не зафиксированное, а потому сегодняшним людям незнаемое.

Историю человечества творят не только крупные ее события – иногда характерные мелочи, в особенности если они обильны, являются теми кирпичиками, из которых создается дворец Истории. Краеведение же в основном собирает и копит мелкие факты и характерные краски жизни, предметы труда и быта – без них нет и знания жизни края. Мои “Записки” как прожектором освещают ушедшую во тьму времени жизнь тихого уголка на Крымской улице, и с этой точки зрения они обогатили бы музей. Так если “Записки” увидят свет, первый же попавший мне...

НДКМ, КП – 25856, арх. – 8633

№ 3

1985 р., грудня 19. Фрагмент з листа П.В. Коппа до П.К. Ганжи

...Я понимаю, что в моих письмах в музей Вы не могли почувствовать моей любви к Никополлю, моей маленькой родине. А ведь того Никополя, который я люблю, на свете уже нет; время и бульдозеры снесли с лица земли маленькие никопольские домишки и тихо в них живших людей. Ганжа – фамилия явно запорожская, и в Вашем лице я приветствую дальнего потомка славных вольнолюбивых запорожцев. Был такой – Максим Ганжа. Он жил на хуторе близ Никополя, и у него я был вместе с Д.И. Яворницким и видел старинное оружие его прадеда-запорожца, вышитые рушники и домотканые рядна, дожившие до 1909 года с XVII века. В 1912 г. Все это перекочевало в Екатеринославский музей к Яворницкому.

Как продолжение моей переписки с Пятигорец и Вариводой (працівники Никопольського державного краєзнавчого музею. – *Ред.*), у меня лежат заготовленные еще три больших письма, небезынтересных для далеких внуков.

Однако их не отправляю и не отправлю, пока не получу машинописных копий с прежде отправленных (часть копий уже получил, а часть – ожидаю).

“Записки Бойцового Петуха” – труд немалый – в нем 745 листов машинописи. Это моя лебединая песня, последняя пробежка пера, в которую я вложил всю душу.

И все равно даже в этих “Записках” я не смог до конца отразить мою великую любовь к моей исчезнувшей маленькой старенькой родине, к отцу гнезду и к тем людям, с кем в детстве и в молодости дышал одним воздухом под одним и тем же небом.

Любовь Павловна Варивода привезла мне мешочек земли, взятой ею по моей просьбе из отцова двора, – эта земля меня волнует, приводит в трепет.

В память людскую о Коппах верю плохо.

Ведь даже могилу моего отца не спасли, когда, сносили кладбище. А этот человек 47 лет своей врачебной жизни жил для других и видел свое счастье в том, чтобы других делать счастливыми. Время грызет все, в том числе и память о людях, даже о прекрасных людях.

Ваше письмо, написанное из добрых побуждений, светит и греет, но сейчас я поражен горем, и вернусь к этому письму лишь тогда, когда осилю скорбь и смятение души. Пока это мне трудно дается.

НДКМ, КП – 29523, арх. – 10144

№ 4

Без дати. Фрагмент з листа П.В. Коппа до С.О. П’ятигорець

...[На] улицах лежал толстый слой пыли, в котором утопала нога. Дожди эту пыль смывали, но потом

все начиналось сначала. Тогда еще не было у нас железной дороги; ж[елезно] д[орожное] движение началось только в 1903 году. В Екатеринослав ездили на бричках и в фургонах, запряженных парой лошадей. За рупь-целковый однажды съездил в Екатеринослав и я. Было это в 1905 году, когда поезда не ходили из-за забастовки на железных дорогах.

Дед моей жены Семен Кушниренко чумаковал и возил на подводе в Таврию рыбу. Лошади так привыкли к дороге, что сами останавливались возле каждого шинка. Если возвращались в Никополь ночью, то упрутся дышлом в ворота и так стоят до утра, а дед Семен спит себе на возу. Теперь на том месте стоят ворота(,) в которые вы заходили, когда посещали Марию Николаевну. Тогда, как я помню, только-только начали плетни заменять заборами. Земля целого массива, ограниченного улицами Преображенской, Почтовой, Крымской и Купеческой, в 1894 году принадлежала еще одному владельцу (Шашко). Он продавал ее частями, и купившие возводили свои домики. В 1895 году земли купил и мой отец; здесь и построился тот дом, какой и ныне там стоит, и который простоит еще не одну сотню лет, если рука человека его не снесет – в старое время строили прочно, на века. В этом доме отец прожил до самой смерти в 1930 году. Хотя я родился и не в этом доме – его еще не было, – но детство свое провел здесь и отсюда ходил со своими сверстниками в походы брать в плен персидских красавиц и совершать кругосветные путешествия по Днепру по следам Васко да Гамы. Отсюда, повзрослев, пошел в большую жизнь, и этот дом для меня незабвенен. Мое сокровенное (понимаю, что невыполнимое) желание быть похороненным во дворе этого дома. Когда-то Д.И. Яворницкий мне говорил, что хотел бы быть похороненным у стен музея. Там он и лежит сейчас, как хотел, и жизнь пролетает уже не с ним, а над ним. Вся его эпоха уже ушла, страница жизни в необъятно-толстой книге жизни уже перевернулась и напластовалась на неисчислимую массу предыдущих страниц. Уже страница жизни и моего поколения поднялась до отказа и готова вот-вот перевернуться. Музеи же хранят лишь жалкие следы былой жизни. В моих “Записках” Вы прочтете кое-что о Дмитрие Ивановиче и о жизни его детища, екатеринославского музея, возвращенного Дмитрием Ивановичем из крошечного музейчика Поля. В “Записках” об этом убогие мои строки; только и того, что когда их писал, то все бывшее пережил вторично. А это – замечательное благо.

НДКМ, КН – 25-863, арх. – 8640

№ 5

1986 р., січня 12. Лист П.В. Коппа до П.К. Ганжи

Дорогой Петр Касьянович!

Ваши добрые ко мне пожелания несбыточны: чтобы моя рана зарубцевалась, нужны годы и годы, у меня же в резерве их нет, осталось мне жить, полагаю с гулькин нос.

Пока что убит горем, ни к какому труду не способен – к физическому по старческой немощи, с пером в руке за письменным столом из-за овладевшей мною душевной подавленности. Поэтому и письмо это будет кратким. Но так или иначе Вашим письмам рад и буду рад, ни одно не оставлю без ответа. Отвечаю обычно людям тотчас же, по получении от них писем, так же буду отвечать и Вам.

Вот лежат передо мною отпечатанные на машинке и сброшюрованные в цветной обложке 20 листов Вашей работы из истории возникновения и дореволюционного развития г. Никополя. Именно об этой брошюре я Вам и писал, а не о труде Шапошникова (с этим трудом я даже не знаком).

Яворницкого (кстати, его звали не Иван Дмитриевич, как вы писали, а Дмитрий Иванович), действительно, я знал близко. Как близко? А вот как: звал он меня по имени или по прозвищу (Бойцовый Петух). Знал я его с 1905 года, но работал с ним в музее с 1908 по 1913 г. О работе с Дмитрием Ивановичем и о поездках с ним довольно подробно я написал в своих “Записках Бойцового Петуха”. Судьба этих “Записок” мне еще не ясна. Мне рекомендуют предложить их для издания в издательстве “Промінь” в Днепропетровске или в “Политиздат Украины” в Киеве. Дело в том, что в те же годы, когда работал в музее, я участвовал в марксисткам кружке Карпова (основан Бабушкиным) и в “Записках” я рассказываю о деятельности этого кружка, выданного предательницей и разгромленного охранкой в 1913 году. Судьба кружка была драматичной.

Боюсь, что размеры “Записок” (745 листов машинописи) отпугнут всякое книжное издательство; в этом случае я отдал рукопись в Никопольский музей.

Хотя “Записки” по объему велики, но все-равно всего, что мы бы хотели вместить, не вместили. Мои

письма в музей определенно дополняют “Записки” в тех их частях, где в “Записках” я рассказываю о жизни в Никополе.

Мое душевное состояние сейчас отодвинуло обращение в книжные издательства – абсолютно все сейчас представляется мне никчемной суетой сует; я во власти горя.

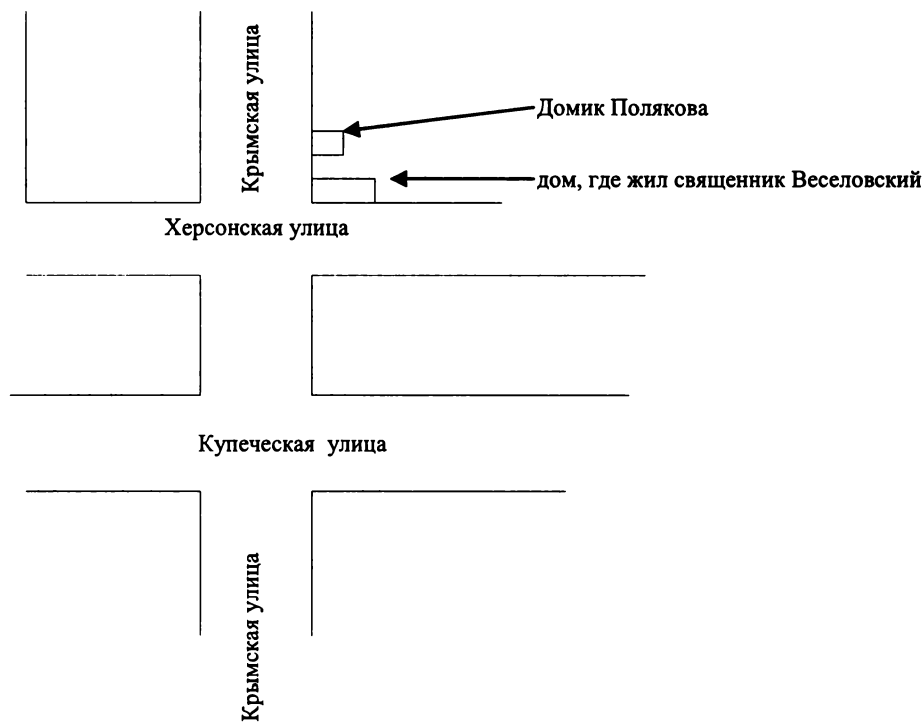
Книга Шаповала “В пошуках скарбів” у меня есть.

Все, что написано в этой книге, и вообще все написанное о Яворницком, – это кирпичики для нерукотворного ему памятника. В годы 1905-1913, да и еще десятки лет Дмитрий Иванович писался не Яворницкий, а Эварницкий.

О никопольском педтехникуме ничего не знаю, хотя в 1929 и 1930 г. читал там лекции по гигиене.

И не помню ничего, кроме того, что директором техникума, помещавшегося по Екатерининской улице против базара, был человек по имени Аполлон (или по отчеству Аполлонович). Туда примчались с известием, что мой отец умирает, и я сорвался с лекции и помчался домой. Отца в живых уже не застал. Не ручаюсь, но может статься, о педтехникуме что-нибудь знает старая учительница Мария Николаевна Калдаева.

О домике Полякова.

Существует ли сейчас этот домик, не знаю. Он – историческая достопримечательность, и о нем я рассказал в “Записках”. Боюсь, что ни с чем не посчитавшись, домик Полякова снесли, а вместе с домиком и память о тех, кто там жил, и кто бывал.

Музейные работники ценят в моих письмах сведения о прошлой жизни, Вы же увидели в этих письмах не увиденное музейными работниками – любовь к моей маленькой старенькой родине. И потому что увидели эту любовь, Вы мне сразу стали близки.

Мобильность по немощи своей я потерял; Никополь никогда уже не увижу, да старого Никополя почти уже и нет – хозяин жизни Время работает. Но бывлые дни и ночи в тенях и смутных образах постоянно присутствуют у меня в комнате. Моя умершая жена пока еще не превратилась в тень; на ее месте образовалась страшная пустота, вызывающая непереносимое чувство тоски. Мужаться как-то не получается. Но Ваши письма меня отвлекают от скорбной отрешенности, и за них Вам спасибо.

НДКМ, КН – 29525, арх. – 10143

Дорогой Петр Касьянович!

Убедительно прошу мне сообщить, получили ли Вы давным-давно посланный мною рассказ о Никопольском старом часовщике Баркане.

И второе: перебирал свой архив и, наводя в нем порядок, я наткнулся на Ваше письмо от 30.12.1985 г., на честь которого с нашим желанием из первых рук узнать о Дмитрие Ивановиче Яворницком отвечаю только сегодня.

Некоторые разделы моих “Записок”, находящиеся в Никопольском краеведческом музее содержат описание жизни и личности Дмитрия Ивановича, незабвенного моего учителя, в далекие 1908-1913 годы водившего меня по широким просторам Истории и примером своей прекрасной жизни, зовом светлого ума, голосом горячего сердца выпестовавшего во мне неугасимую любовь к родной земле и к ее людям.

В те годы, путешествуя по морям истории я плывал простым пассажиром на корабле, где капитаном был Дмитрий Иванович, и это время мне бесконечно дорого, как только может быть дорогим воспоминание о былом счастье.

Я очень стар годами, и первое знакомство с Дмитрием Ивановичем в 1905 году и прощание с ним в 1940 году неистребимо никаким временем хранятся в моей старицкой памяти – как выход и заход солнца в течении одного дня из моего долгого бытия.

Вместе с близящимся концом моей жизни близится к концу и моя переписка с никопольским музеем, и все, что пишу Вам здесь, я написал в Никопольский музей и в музей днепропетровский.

В числе моих писем в Никопольский музей там хранятся два, зарегистрированных 20.09.1985 под № 502. Эти письма продолжают разделы “Записок”, содержащие материалы из жизни и деятельности Дмитрия Ивановича. Наконец, в Москве в литературном музее “Никитинские субботники” (если этот музей еще существует), быть может, хранится мое давнишнее письмо основательнице музея Евдокии Никитиной, содержащее подробный рассказ об одной из моих поездок с Дмитрием Ивановичем на Днепровские пороги. Со множеством людей (а со сколькими, уже и не упомяну) я делился воспоминаниями о Дмитрие Ивановиче. Эх, собрать бы все написанное воедино-то был бы нерукотворный памятник Яворницкому!

Летом 1909 года он побывал у нас в доме за вечерним чаем, Дмитрий Иванович и мой отец быстро нашли общий язык. Никого не удивило, что Дмитрий Иванович проявил интерес к чисто медицинской сфере, а отец проявил живейшую симпатию к последнему кошевому последней Сечи Калнышевскому.

Больше всего сблизил Яворницкого и моего отца одинаковый склад натуры: оба жили не для себя, а для других, и видели свое счастье в том, чтобы делать других счастливыми.

Должен Вам сказать, Петр Касьянович, что таких людей альтруистов в своей жизни из многих-многих тысяч мне знакомых я встретил всего только двух: Это были каменский земской врач Иван Николаевич Кушниренко и врач кишиневской железнодорожной больницы Иосиф Ильич Юдкович. Ближе к ним был своей прекрасной личностью и фельдшер больницы княжеского марганцевого рудника Северин, которого я пометил на страницах своих “Записок”. Вот этих-то людей я и держу в памяти сердца в печали, что никого из них на свете уже нет.

Время движется неостановимо. Так же неостановимо меняется и содержание жизни. Уже нет Дмитрия Ивановича, ни Днепровских порогов, ни степных хуторов, где когда-то мы бывали с Дмитрием Ивановичем. Новая жизнь с новым старым содержанием, продолжая отжитые, властно пробивает себе дорогу вперед, и только в музеях застыли следы когда-то живших людей и их деятельность. И в этом спасение от окончательного уничтожения зубом времени и исчезновения былого.

По содержанию жизни и человеческой деятельности время 1905-1913 годов положительно было ближе к эпохе скифов, чем к нашим сегодняшним дням, однако такие люди, как Дмитрий Иванович, освещавшие прошлое, несомненно работали и на будущие поколения, потому что знания прошлого помогает строить будущее, Вот почему я знаю и чувствую, что Дмитрий Иванович и сегодня с нами.

В бессонные ночи он мой дорогой и всегда желанный гость. При свете ночника порой мне кажется, что он стоит в моей комнатухе вместе с множеством других людей, встречавшихся мне на перекрестках

дорог жизни. И то, что он появляется у меня в толпе других, полностью соответствует его натуре – одиночества Дмитрий Иванович не выносил и не мыслил себя вне общества других людей. От академика до простого лодочника из Лоцманской Каменки, от Репина и Гиляровского до сельского дьячка, чей далекий предок был таким же дьячком еще во времена Тараса Бульбы.

НДКМ, КН – 29520, арх. – 10147

№ 7

1988 р., листопада 16. Фрагмент з листа П.В. Коппа до А.І. Петренко

...[В ту] пору года меня здесь не было – я учился в гимназии в Екатеринославе. Там я сблизился с литературоведами, историками и археологами, и интерес к представляемым ими наукам остался у меня на всю жизнь.

Самое печальное – это то, что ни единого учителя и ни одного соученика не осталось в живых от того времени. Днепропетровск (Екатеринославо) так же искромсан и переделан, как и Никополь.

В Каменских плавнях на бугре, усыпанном желтыми осенними листьями, не заливаемом весенним паводком, мы открыли человеческое погребение. Предположили запорожское. Привезли сюда школьного учителя Киранова, занимавшегося археологией, и он подтвердил наше предположение. На другой день мы перехоронили останки запорожца, перевезли на кладбище и опустили в могилу возле старинного запорожского надмогильного креста. При погребении присутствовало много никопольчан. Из них мне запомнился фельдшер Штамбург и владелец гастрономического магазина Железняков. Мне показалось [что был] и Ваш дядя Володя, но в правильности этого я не уверен. Я лично снял на карточку сначала открытую, потом закрытую могилу и обе карточки отдал в Екатеринославе Д.И. Яворницкому.

У запорожца оказался проломленный череп, но от чьих рук запорожец пал, осталось неизвестным. Но точно известно, что Железняков был отдаленной жертвой революции и непосредственной – войны с фашизмом. После революции магазин его забрали, и он уехал в Петроград, где работал продавцом в каком-то магазине. Когда Ленинград стал голодающим городом, голодал и Железняков. Карета скорой помощи его подобрала и отвезла в больницу, где Железняков вскоре умер. Когда его обмывали и переодевали, на нем нашли пояс. Битком набитый золотыми монетами. И вот за все свое богатство Железняков не мог купить корку хлеба.

Это письмо следует дать прочесть М.П. Жуковскому.

И в особенности Л.П. Вариводе. Сделайте это Азалия Ивановна.

НДКМ, КП – 26910, арх – 9138

№ 8

1988 р., вересня 5. Лист П.В. Коппа до Л.П. Вариводе

Дорогой друг! Память моя изо дня в день все больше ослабевает, и у меня такое впечатление, что ослабевает она довольно быстрыми темпами. Так, я совершенно не помню, писал ли я Вам о живущем когда то в Никополе священнике Карелине, большом любителе и знатоке краеведения. По моему знанию о Карелине всего имеющегося в литературе, кое-что о Карелине я знаю и такое, чего нигде не прочтете.

Сименем Карелина у меня связывается представление о человеке строгом и принципиальном. Только такой человек, как только вышла заминка с ответом на его письма, статьи и заметки в “Журнале Одесского Археологического Общества”, мог написать: “Тот, кто не отвечает на письма или затягивает ответ на них, в первую голову рискует быть обвиненным в некультурности”

9-летним мальчуганом я знал в Никополе дальнюю родственницу Карелина (кажется фамилия ее была Усова). Все комнате с низким потолком и крошечными окошками я видел письменный стол Карелина и на нем чернильницу и ручку, которыми пользовался Карелин. На столе стояла большая старинная шкатулка, наполненная письмами к Карелину. Между ними были письма и от Л.Н. Толстого. Ни в одном издании писем Толстого этих писем нет. Повидимому, если письма никому не попались на глаза, а черновики, вероятно, попросту не существовали.

Бывал я у этой родственницы Карелина не часто. Ничто меня туда не привлекало, и единственное, что мне в этой комнате нравилось, это сама родственница Карелина, спокойная, светлоглазая, гладко причесанная старушка, угощавшая меня вергунами с тыквой.

Однажды, когда, нарвав в нашем саду картуз груш, я пришел к старушке, ее уже там не оказалось – она выехала из Никополя. А уезжая, старушка забрала с собой все вещи вплоть до старого венка; комната была гола и пуста.

Не знаю жил ли когда-то в этом домике, стоявшем на Крымской улице близ ее пересечения с Днепровской, сам Карелин – я об этом не спрашивал. Ни Карелин ни его вещи тогда меня не интересовали. Интересовали меня тогда гульба с такими же сорванцами, каким был и я сам, плавни Орлова острова, езда на лодке под парусом и тени громадных сомов в Днепре за водяными мельницами.

Жившие во флигельке люди сказали мне, что бабуся выехала в Мелитополь. Все номера “Журнала Одесского Археологического Общества” с материалами Карелина впоследствии я читал и неоднократно и каждый раз мыслями переносился в домик на Крымской улице, так как уже строил догадки о жизни в том домике священника Карелина.

Если Крымскую улицу за последние годы оголили от всех ее домишек и вместо них понатыкали громадные каменные коробки, то убрали с лица земли и домик, где я бывал у родственницы Карелина, и где, возможно, когда-то жил сам Карелин.

Я не знаю жив ли доселе на этой улице домик Полякова, определенно имеющий историческую ценность, описанный мною в “Записках Бойцового Петуха”

Разорять, сносить, уничтожать мы мастера, и те, кто это проделывают, к судьбе старого Никополя равнодушны – чешут затылок досадуя только краеведы да несколько старожилов, еще пощаженных всепожирающим временем.

А между тем было бы справедливо не сносить и уничтожать, а наоборот отмечать мемориальными досками жилища когда-то в них живших замечательных людей. Возня с мемориальными досками и затылка с их установкой не имеют оправдания, и не удивительно, что многие называют их позорными.

Ток довольно уже долго тянется дело установки мемориальной доски на дом, где около 40 лет жил и лечил людей мой отец. И это несмотря на то, что хлопчут о мемориальной доске на этот дом столь энергичные и преданные своему делу люди как Павел Богуш и М.П. Жуковский. Мне представляется, что краеведы музея могли бы помочь Богушу и Жуковскому всем своим авторитетом.

По-настоящему изысканиями о Карелине не занимался никто, а между тем этот замечательный человек – по времени первый никопольский краевед – заслужил иного к себе отношения, и долг работников Никопольского краеведческого музея был бы об этом подумать.

Полный комплект “Журнала Одесского Археологического Общества” с карелинскими страницами имеется в Одесской публичной библиотеке на ул. Пастера. Никого не занимающий, он пылится там на полках, отсюда ничья рука его не снимает. Не только краеведом, но и просветителем можно назвать Карелина, а это налагает огромную ответственность за отношение к его памяти.

Будь я помоложе, я сказал бы что изыскания о Карелине – это мой хлеб, но старость приковала меня к месту и лишила работоспособности. Вот почему я подумал о Вас, Любовь Павловна, и был бы рад, если бы Никопольский краеведческий музей взял на себя задачу найти и соединить воедино все о Карелине.

НДКМ, КН – 25853, арх. – 8630

№ 9

1988 р., грудня 17. Лист П.В. Коппа до Л.П. Вариводи

Любовь Павловна, дорогая Вы моя!

В с. Покровском я был 6 раз – 2 раза с Дмитрием Ивановичем Яворницким и 4 раза сам.

Самой старой женщиной в Покровском, перешагнувшей 99 лет, была Агафья Журавлёва (по уличному Гапка Журавка).

Когда-то (с 1899 по 1908 г.) она была няней в нашей семье. От нее я много наслышался о старине. В ее старинной хатёнке с крошечными окошками, под соломенной крышей и на земляных полах когда-то бражничал последний кошевой Запорожской Сечи Калнышевский с товарищами, и по боковой линии Агафья Журавлева была его дальней родственницей. Когда по приказу Екатерины II войска под начальством ген[ерала] Текелия приближались к Покровскому с целью разорить Сечь, один из соратников Калнышевского примчался в Сечь, посадил на коня одну из дочерей Панаса Журавля и умчался с нею за Дунай. Там у них родилось несколько детей, одну из девочек назвали Гашей и с тех пор в роду Журавлей не переводилось имя Агафья. Но почему-то мне кажется, что моя няня Агафья Журавель была последней Агафьей в роду Журавлей. Я проследил их род до 3-го поколения, знал внуков моей няни, но между ними Агафьи не было. А после революции все Журавли как-то разъехались во все стороны и в Покровском их не осталось;

Когда в последний раз посетил Покровское (1922 г.), няниной старенькой хатки уже не было, и об

Агафье Журавель я уже ни от кого не слышал. Только та самая колода лежала на краю села, на которой когда-то в беседе мы с Д.И. Яворницким просидели всю ночь, да ни одного русского слова за день марта 1922 г. в селе я не услышал – слышался только украинский говор, как и в 1908 году.

Село одряхло и сельсовет постепенно всю сельскую деятельность забирал в свои руки.

Обо всем виденном я написал Дмитрию Ивановичу. С тех пор Покровское выросло, похорошело, но, к сожаленью, как мне написал сельский учитель, Журавлей никто не помнит. Могила моей дорогой няни не сохранилась. Увы, это так. Но помню, как я обнимал няню, а она плакала и теплые нянины слезинки скатывались мне на голову и на пиджак.

Моя память – сокровище. Много она хранит нянинных рассказов, и сама няня, как живая, дни и ночи пребывает предо мной.

В Покровском мне уже не бывать. Даже и в Никополе не бывать – жизненные мои силы на исходе. Но если судьба захочет и позволит, немало нянинных рассказов напишу для Никопольского краеведческого музея. В голове их полно, но как беру перо в руки, почему-то рука плохо меня слушается. Агафья Журавель витает предо мной во всей своей прекрасной старости, и, в бессонные ночи, я положительно ощущаю ее присутствие возле себя.

Это письмо написано не менее чем полгода назад, но оно куда-то подевалось, а теперь попало на глаза. Посылаю его Вам – не пропадать же добру.

НДКМ, КН – 262206, арх. – 8795

№ 10

Без даты. Лист П.В. Коппа до Л.П. Вариводи

Дорогая Любовь Павловна! Желая и дальше быть полезным музеем, посылаю Вам выдержку из своего письма далеко живущей от меня сестре. Быть может, посетителям музея будет интересно прочесть о жизни давно ушедших из нее людей.

“Многое в моей жизни было пережито, и многое осталось заветным. Кусочку заветного я посвящу пару страничек этого своего письма.

По моему возрасту судить (вот-вот исполнится 95 лет), так, пожалуй, пора готовиться к концу жизненного пути, но давным-давно, еще в детстве, цыганка на ярмарке за пяточок нагадала мне такую судьбу – что я перешагну через 100 лет. После 80 лет я стал задумываться об этом предсказании цыганки, и во всяком случае поверил больше этому предсказанию цыганки, чем лечащим меня высокочудрым медикам. С этой верой живу и сегодня.

А еще о моем долгожительстве побеспокоилась дорогая моя нянечка, заставляя меня на крещение (6-го января) окунаться в Днепре, где в польные святили воду, и учила не бояться бегать гольшом у нас по двору в любой мороз.

Свою нянечку я любил не меньше родительской семьи. В 1908 году, приехав на летние каникулы из Екатеринославской гимназии и перецеловав всех, я стал оглядываться.

–А где же нянечка? – в тревоге спросил я маму.

–Няни у нас уже нет. Она стала старенькой и уехала доживать свой век у дочери в селе Покровском, – сказала мне мама.

Это явилось для меня страшным ударом, и на другое утро, кликнув с собой приятеля Шуру Лазарева, я пешком зашагал в Покровское. 20-25 верст дались мне легко, я просто мчался, горя от нетерпения обнять дорогую старушку. Это была моя первая ходка в Покровское, а всего я был в нем 6 раз – два раза с Д.И. Яворницким и четыре раза сам.

В эту первую ходку я с трудом нашел нянину хатенку с крошечными оконцами, с прогнившей соломенной крышей, на земляных полах, всю уставленную потемневшими старинными образами. С людьми в этой хатенке коротали дни и ночи теленок да парочка квочек.

Хата вся пропахла стариной, была родиной всех Журавлей, а значит и моя нянечка Агафья Журавель родилась в этой старинной хате. В Покровском няня была известна как Гапка Журавка.

Хата уцелела со времен Запорожского Казачества. В давние времена в этой хате бражничал со своими молодцами последней кошевой последний Запорожской Сечи Калнышевский, и отсюда царицей Екатериной II был по этапу отправлен в свою горькую ссылку на Соловки. Здесь в смраде каменной ямы он безвыходно просидел 25 лет, а когда после смерти Екатерины был освобожден, то не пожелал уже покидать Соловецкий монастырь, и здесь умер в возрасте 112 лет.

Журавли же оставались в своей родной хате.

Когда русское войско во главе с генералом Текелия, выполняя повеление царицы Екатерины II, приближалось к Покровскому, чтобы разрушить Запорожскую Сечь, к Журавлям прискакал казак, посадил на коня одну из дочерей Панаса Журавля и умчался с нею за Дунай. Там, выполняя завет божий, они плодились и множились, выпустив для жития кучу Журавликов, между которыми старшее дитя было названо Гашей. С тех пор имя Агафья не переводилось среди Журавлей, и не было поколения Журавлей, в котором не имелось несколько Агафий. Но после моей няни Агафьи Журавель в роду Журавлей, кажется Агафий больше не было. Няня была последней.

Когда я, будучи уже пожилым человеком, приехал в Покровское, навещая дорогие мне и памятные места на Никопольщине, не было уже и помину о Журавлях. Старинную хатку, как ветром, сдуло, и никто из покровчан не помнил мою нянечку. Даже могилы няниной я не нашел. Старинное запорожское кладбище было снесено на потребу живущим, как с легким сердцем и с большой готовностью сносят у нас повсюду последний человеческий приют люди-варвары, люди-дикари, люди без стыда и совести. На память от нянечки мне остались почерневшие от времени иконка, цветастый головной платок, да б спиц для вязания.

Эти реликвии для меня дороже всех сокровищ мира, и я прошу положить их в гроб, когда [придет] мой час и настанет для меня время отправляться в лучший мир и присоединиться к безымянным миллиардам, за миллионы лет легшим в землю.

Старший внук няни жил в Никополе и работал в пряничном заведении Дмитрия Игнатьевича Гинина. Отсюда был забрит в армию, определен в 122-й драгунский Астраханский полк, и как бы в зеленом колете и с желтыми выпушками, встретил Октябрьскую революцию в Петербурге. Сбросив драгунскую форму и одев красноармейскую, стоял здесь на часах перед дверью кабинета Ленина, воевал с Юденичем, командуя полувзводом, известным тем, что состоял полувзвод исключительно из одних покровчан да никопольчан.

Прошлое держится в памяти неистребимо, и вспоминая его, я вновь все пережитое переживаю десятки раз.

Я помню, как войдя в нянину хатенку и увидев старушку сидевшую под образом Девы Марии, я бросился к нянечке, всплеснувшей при виде меня руками, обнял ее колени и прижался к ним, целовал сморщенные натруженные нянечкины руки, а она, глядя меня по волосам, тихо плакала, и теплые слезинки капали мне на голову и на гимназическую курточку.

И еще помню, как с Д.И. Яворницким мы беседовали всю ночь до утра, сидя на колоде, какой-то доброй душой брошенный у придорожного колодца на краю Покровского. Потом няня напоила нас душистым чаем и, прощаясь, благословила меня на долгую и счастливую жизнь. А Федор, нянин зять, при прощании подарил Д.И. Яворницкому сняв со стены написанную в темных тонах картину в старой раме. На картине был намалеван запорожский казак, голый до пояса, сидящий скрестив ноги и держа в руках сорочку. На картине надпись: “Як козаку нічого робити, так він хоч воші б’є!” Думаю, что эта картина и сейчас обретается в Днепропетровском историческом музее.

В последний раз в жизни видел я тогда няню и долго оглядывался на дорожную старушку, подметавшую веником землю у порога хатенки.

Шли годы, и кипение жизни постепенно отодвигало нянин образ в непостижимо далекое прошлое. Но не изгладило из памяти, и теперь мне кажется, что мы с няней расстались только вчера. Впрочем, я понимаю, что это только самообман, не больше чем иллюзия.

Но если это лишь иллюзия, то неужели же иллюзией является и то, что в бессонные ночи вокруг моей постели толпятся старинные мои земляки-никопольчане? В немой темноте я их ясно вижу, но когда протягиваю руки, то дорогих земляков не оказывается – они куда-то исчезают. И только голоса их некоторое время продолжают звучать, донося до меня знакомую речь.

Самым дорогим из ночных гостей для меня является бесценная наша нянечка. И хотя от нянечки давно ничего не осталось, я ей благодарен за то, что она была, и за то, что не забыла ее тень ко мне дорогу. В иллюзиях тоже может быть святым и тоже могут проявляться самые лучшие, самые чистые и светлые человеческие чувства».

Если этот кусочек письма для музея не представит интереса, Вы мне его вернете, Любовь Павловна, с ближайшим же письмом. Если предоставит интерес, благословляю к перепечатке на машинке – за всех.

НДКМ, КП – 25866, арх. – 8643

Без даты. Фрагмент листа П.В. Коппа до неизвестного адресата

...Как широко смотрел на вещи Дмитрий Иванович и как далеко за пределы выплескивалась его светлая мысль, каждый непредубежденный человек может видеть из многих его высказываний, которые Дмитрий Иванович то золотой россыпью бросал на ходу, то в концентрированном виде насыщал свои беседы. Недаром все с ним работавшие, как зачарованные, ловили каждое слово, и недаром мой отец, сам бывший образованнейшим и эрудированным человеком, вступив в контакт с Дмитрием Ивановичем один лишь только раз, восхищался им как интереснейшим человеком.

Дмитрий Иванович выращивал человеческое в людях; как ваятель глину, он мял в своих руках мою еще бесформенную душу, чтобы вылепить ее человеческой, и вкладывал в меня, как и во всех окружавших его людей, знания и мысли. В этом заключалось одно из дел его жизни. И то, что Вы читаете в моих письмах, мои знания, мысли и чувства часто являются лишь эхом знаний, мыслей и чувств моих учителей, в их числе и Дмитрия Ивановича.

Многое слышанное из уст замечательного человека запечатлено мною навеки. В памяти, в тетрадках, в воспоминаниях оно живет, оно не умирает, оно меня переполняет, и оно толкает меня на то, чтобы я напоминал людям о человеке, уже 45 лет не находящемся с нами, покоящемся у стен дорогого ему музея, его детища и его необъятного царства. Он там лежит, и, следовательно, по жестокому закону природы кандидат на забвение.

А я говорю: удержать, во что бы то ни стало удержать в памяти людей! Не дать погаснуть светлой и благодарной памяти о Дмитрие Ивановиче, и то, из его уст слышанное, что здесь я напишу, пусть ляжет кирпичиком в нерукотворный памятник этому человечнейшему человеку. Если жизнь моя продлится, то это не последний кирпичик.

Судите же сами: разве сказанное Дмитрием Ивановичем в наше сегодняшнее время звучит уже неподходяще, устарело и людям не нужно?

Оглядываясь на пройденный путь, я полностью оцениваю правильность и мудрость старой сентенции: с кем поведешься, того и наберешься. И я благодарен Дмитрию Ивановичу, а равно и другим моим учителям, что набрался у них светлых мыслей и таких же светлых чувств.

Уже 45 лет без Дмитрия Ивановича, я держу в сердце его образ непотускневшим.

НДКМ, КН – 25863, арх. – 8640

1989 р., лютого 20. Лист П.В. Коппа до Л.П. Вариводи

Дорогая Любовь Павловна!

Я бережно храню Ваши письма, и письмо от 14.02.1989 присоединю к прежде полученным за время нашей переписки.

Но письмо от 14.02 исключительное по его теплу, по его искренности и задушевности. Вы себя охарактеризовали, как человека необщительного и малоразговорчивого. Если бы Вы были такой, так не смогли бы написать такое чудесное письмо, как это от 14.02. И хочу надеяться, что последующие Ваши письма будут такими же и так же будут трогать меня за самую душу.

Чем больше разрушают и сносят с лица земли мой старый Никополь, вместо старых домиков наткая повсюду многоэтажные каменные коробки, тем крепче впивается в меня ужасная тоска, и тем больше ненавижу я творящих зло.

Я и тех ненавижу, которые создают новый Екатеринослав (Днепропетровск), хотя, как и старый Никополь, им не вытравить, не изгладить из памяти тот Екатеринослав, каким я его знал в годы 1905-1913.

Но из всех мною ненавидимых больше всего я ненавижу разрушителей кладбищ, считая этих людей варварами, дикарями, людьми без стыда и совести.

Во время войны я с армией был в Австрии, Венгрии, Румынии и видел хорошо ухоженные кладбища и бережно хранимые могилы, которым в то время было уже по 300 лет.

Попытки наших солдат устраивать на могилах пикники и гульбища, к чести нашего командования, им пресекались. Непослушные арестовывались. И как только мы попали на Родину, как картина совершенно изменилась – исчезло уважение к умершим и похороненным людям.

В самом Никополе было два запорожских кладбища. Самое старое (остатки кладбища) находилось прямо на улице, названной по кладбищу Запорожской, и занимало место от спуска к Днепру Херсонской улицей и до базара.

С детских лет я помню обветшавшие и почти поваленные на землю кресты, старинную часовню на берегу Днепра и запорожский курень во дворе Ющенкова.

Исчезновение этого кладбища находится на совести городского магистрата и должно быть отнесено к 1901-1902 годам. Моя няня водила меня к месту, где когда-то была часовня, и там отмаливала свои грехи.

Второе запорожское кладбище было лишь уголком кладбища, куда теперь ведет ул. Файнштейна (раньше называлась Кладбищенская). Здесь я сфотографировал запорожский крест и снимок отдал в Екатеринославе Яворницкому (тогда он еще именовался не Яворницким, а Эворницким).

Время и люди согласованно ведут совместную разрушительную работу, и моя тоска от этого все больше увеличивается.

Городской голова Филиппов и городской голова Ветчинкин много сделали, чтобы кладбище сохранить, но его снесли вместе с могилами Ветчинкина и Филиппова.

Снесли и старые склепы с погребенными в них никопольчанами. Замечательный был склеп Подгурских. В нем покоились умершие в гробах, начиная с 1825 года. С этим не посчитались и склеп разнесли по камешку, а гробы увезли, в степи свалили в кучу и сверху насыпали горб земли. А теперь, вероятно, и этого не сыщешь.

Ничто: ни уважение людей, ни любовь к ним – не спасали. Могилу моего отца, такого уважаемого, любимого, чтимого людьми, бесстыдно уничтожили, и этого я простить не могу.

Купален у Ерлашова не было – ему принадлежала спасательная будка с лодочной пристанью. Содержали купальни (рядом) Макаренко и Фербер.

Снимки спасательной будки и купален у меня имеются.

Но должен Вам сказать, чтобы не усиливать тоску, я уже давно не заглядываю в свои фотоальбомы, и это же посоветовал далеко от Одессы живущей моей родной сестре, тоже тоскующей по своей бывшей жизни и по старенькому Никополю. Три остальные мои сестры уже умерли и похоронены в родной земле, а одна в Ленинграде, а две в Москве. На их могилах мне уже не побывать. Бессонными ночами вместе с толпящимися у моей постели старыми никопольчанами приходят ко мне и эти сестры, родители и мой сынок, умерший от рака печени в 1980 г. в возрасте 66 лет в Ленинграде. Никопольчане по кладбищам всей страны. Даты их смерти занесены в мои записные книжки, и я неуклонно ежегодно поминаю каждого.

Я знаю только одну никопольчанку, ежегодно поминающую в церкви всех своих покойников.

Вот и пришло мое письмо к концу. Не радостно, а грустно его содержание, но не всегда же мои письма будут грустны. Лишь бы Вы отвечали на мои письма – это лучше всяких лекарств для меня.

Обнимаю. Будьте здоровы!

НДКМ, КП – 25865, арх. – 8642